

9 КРУГОЗОР 67

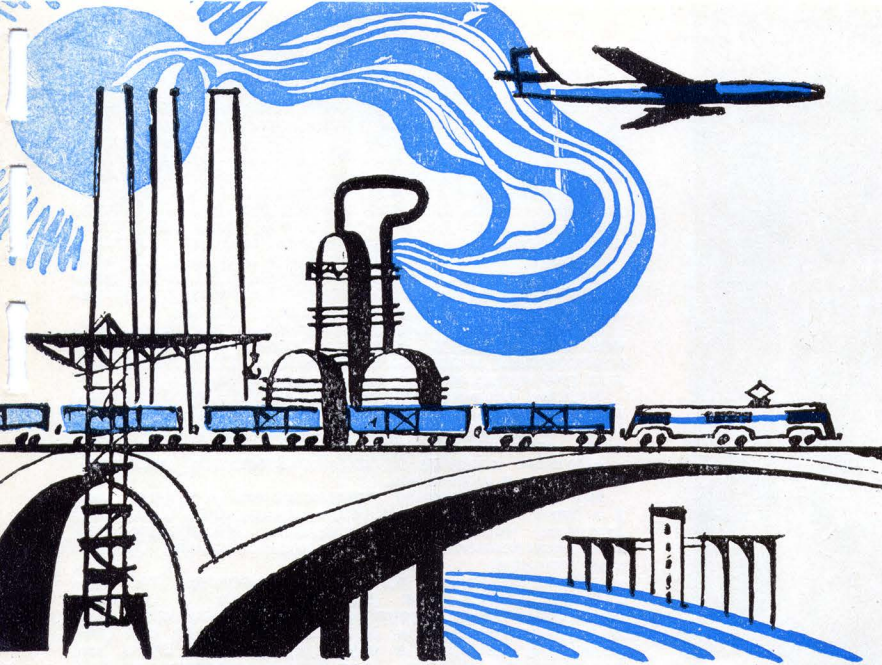
ОТ МОСКВЫ

Виолетта ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ

●
В предрассветную дымку закутаны
Треугольники стрельчатых башен,
В серых сумерках серые улицы,
Горизонт непрозрачен и влажен.
Но внезапно над старою крышею
Засверкали лучи, отражаясь,
И росистую, красную, рыжую
Свою внутренность мир обнажает.
Обнажается пестрая внутренность,
Как каштан, о дорогу расколотый,
С опьяняющей свежестью утренней,
С жадной сытости, с жадной голода...
Где-то страны, рожденные заново,
Где-то страхи таятся вчерашние...
Я на старте, все радостно замерло.
О мои расстоянья прекрасные!
Я волнуюсь и платье оглаживаю,
Поправляю стремительно волосы,
С нетерпением на солнце поглядываю.
Пожелайте мне света и скорости!

Перевел с литовского
Станислав Куняев.

1917—1967

«Воздвигая заводы и фабрики, укрепляя колхозы и совхозы, совершенствуя общественные отношения, умножая духовные богатства, мы создаем высокоорганизованное общество сознательных и свободных тружеников, преданных коммунистическим идеалам.»

Из Тезисов Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

ДО САМЫХ ○ ДО ОКРАИН

Каких только событий, каких племен и народов не повидала на своем веку Волга! Отшумела жизнь многих поколений. И видится теперь через дымку веков... На поле Куликово войско русское пошло с волжского берега. В тяжелую годину, когда по Московской земле разливали польские захватчики, нижегородец Козьма Минин звал земляков на борьбу за освобождение Родины. Другой волгарь — выдающийся полководец князь Пожарский — принял командование народным ополчением, которое разгромило чужеземных пришельцев...

Отсюда, из верхневолжских земель, уводили боевые дружины на бой с врагами Дмитрий Донской и Александр Невский. О Сталинградскую твердыню разбитись фашистские армии.

Козьма Минин отдал народному ополчению все, чем богат был. В Великую Отечественную войну саратовский колхозник Феропонт Головатый купил два истребителя, передал их летчикам.

Многое в истории повторилось. Пусть было по-иному — иное время! — но сущность была одна: беззаветная любовь к Родине, выше которой, дорожке которой нет ничего.

«Ратные подвиги шумны и блестящи, гражданские тихи и скромны».

Но, вопреки этому утверждению, в труде, как и в огне, выковывался, ярко проявлялся характер русского человека, его высокая нравственность, изобретательность, смекалка, выносливость. Труд — как героизм!

...Едва ступаешь на палубу парохода, как плывут мимо тебя родные берега с новыми городами. И деревянные и каменные строения Ярославля, Костромы, Углича, Астрахани, где передаются из века в век дух древней Руси, ее эстетические каноны, высокое мастерство людей русских.

...После многодневных грозных дождей леса зазеленели гуще, луга зацвели ярче. небо стало выше, синее, а белые облака нежно порозовели.

Наш трехпалубный теплоход, молочно-белый, пахнущий краской, то кланяется носом волнам, то оседает кормой в кипящий водоворот. Низкий, степной берег лишь угадывается в далекой голубой полоске, а горный проступает в прозрачном воздухе тонким рисунком перелесков, лощин, круч.

Чувство родной земли охватывает тебя полнотой, запахами травяными бьет в лицо.

МАТУШКА НАША ВОЛГА

Любит русский человек Волгу, дарит ей самые ласковые слова. Трудно придумать более родное слово, чем «матушка». И как это по-русски: не мать, не мама, а матушка...

Люди здесь живут трудолюбивые, добрые, на язык вольные. Но рассказ о них вести не мне. Корреспондент «Кругозора» записал голоса Героев Советского Союза В. И. Киреева, В. Н. Иванцова, кавалеров трех орденов Славы М. Г. Новосельцева, К. И. Осипова, Н. П. Королькова, Героя Социалистического Труда Н. К. Отверченко, участника гражданской войны Ф. Н. Митрофанова и лесничей Дуся Каляевой. От них вы и узнаете о жизни нынешних волгарей.

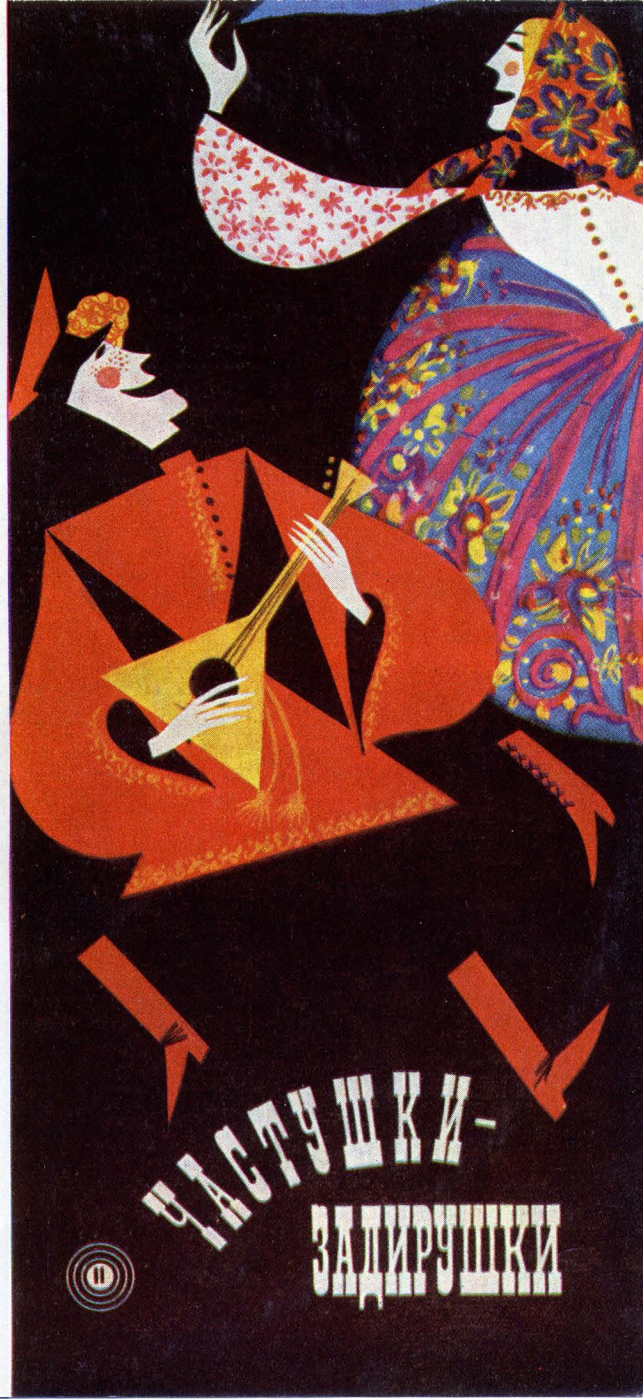
Г. БОРОВИКОВ,
писатель

Саратов

Течет Волга. Мимо Саратова, где на площади Павших борцов кипит человеческое море, потому что вечно Человеческая Память; мимо старинного Балакова, где поднимается плотина Саратовской ГЭС, и поднимается быстро, потому что стройка комсомольская (вы видите секретаря комитета комсомола стройки Анатолия Самсоненко); мимо новых заводов и жилых домов, мимо высоких и низких берегов. И все это волжская земля.

Фото
Н. Свиридовой

Кто бы он ни был, этот человек, убитый американским снарядом внутри теплохода «Туркестан», — он был нашим, своим.

«Знаете, сколько было народу...»

Я держу микрофон, я не плачу; это она, это ее коснулось больше всех, а мне остается записывать этот горький шепот. Ее руки шарят по скатерти, разглаживают узелки,

трясут спичечный коробок. Она говорит, говорит, закуривает. Потом говорит ее дочь Таня, дочь убитого.

ТАНЯ. Он всегда людям верил, доверял. Чтобы когда он свою накуту закрыл, свой сундук закрыл... У него все было открыто. И у него никогда мысли не было, что кто-то у него может взять. Надо? На, возьми

КЛАВДИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Пришел как-то с моря. Знаю, что я ему дала три сорочки — две белых, одну темную. Одной сорочки нету. Я говорю: «А где же твоя сорочка?». «А ты знаешь, — говорит, — пришел один парень, матрос, видно, демобилизованный, раздетый совсем, ничего у него нет, а надо в город идти. А ведь за границей не пойдешь, чтобы плохо был одет».

ТАНЯ. Вот... привезли нам его вещи с теплохода — в узле. У него нет чемодана. Привезет, купит: «Мать, привез тебе чемодан, посмотри, какой чемодан». Смотришь — нет чемодана. «Папа, где чемодан?» «А там парень в отпуск

гай, нельзя здесь бегать». Каждому ребенку он хотел что-то дать, угостить.

КЛАВДИЯ ВЛАДИМИРОВНА (стучит коробком по столу, пытается вычертить на скатерти что-то округлое). Рана примерно... вот так вот... примерно... рана. Приносил мне капитан историю болезни, вот там сейчас какие-то документы готовят, что ли, так вот приносил мне, показывал...

поехал, я ему отдал». И этих чемоданов я на своем веку пересмотрела столько!

Один раз на набережной гуляем. Он идет, держит Ларочку и Димочку своих. Мальчишка бежит, годика, может быть, четыре, навстречу. Соплущики аж в рот у него. Он его остановил. Соплущики эти вытер, застегнул пальтишко. «Иди, не бе-

Если бы был суд, международный суд над теми американцами, которые с самолета настойчиво обстреливали жилые надстройки теплохода «Туркестан», не очень большого «грузовика», привезшего во Вьетнам мунку, мы могли бы предъявить суду шесть с половиной минут записей, сделанных во Владиво-

ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

стоке в день похорон Николая Никитича Рыбачука и в другие дни, когда Клавдия Владимировна Рыбачук и Таня сидели одни в пустой квартире.

Мы хотели бы также предъявить фотографию, которая будет сделана на судостроительном заводе в Польше. Там строится огромный лесовоз «Механик Рыбачук». Плавать на нем изъявила желание вся команда «Туркестана».

Запомните это мирное судно, обвиняемые! Летайте от него на сотни миль. Мы его сумеем защитить.

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ,
специальный
корреспондент
«Кругозора».

Фото
В. Мариковского
и Э. Кравчука

Владивосток

Май. Полдень. Три маленьких мальчика — два в форменных картузах и один в кепчонке, с большими грузными портфелями — идут из школы дорогой.

Сначала они проходят старым сосновым бором, и от сумеречной тишины падающих с деревьев желтых, сухих игл, неслышных, как по ковру, шагов они сами какие-то тихие, молчаливые и устало тянут огромные свои портфели по мягкой, как мох, рыжей лесной земле.

Но между соснами засверкала солнечная, ярко-желтая от цветов поляна, и все трое закричали: «Ур-а-а!» — и пошли в атаку, портфелями сбивая серые, пушистые одуванчики. От страха разлетались мотыльки, и шмели, и жуки, и только стояло высокое рабочее гудение пчел.

А за поляной была падь, и в холодном тумане гниющие, мшистые, ураганом поваленные деревья, и на дне журчала в камнях светлая речушка Вертушинка. Мальчики с ходу прыгают через поваленные седые стволы, останавливаются на речном мостике и долго молча, радостно наблюдают как плывут, струятся, хулиганят головастики, гоняясь друг за другом в прозрачной воде.

За мостином они кинули портфели на землю и затеяли борьбу самбо, а уставши, сели отдыхать на сваленных бревнах. Сидят, как взрослые мужчины, и беседуют о своем, и только слышно: «Ух! Ух!»

Из глубины весеннего леса, будто из будущих годов, кукует кукушка. И мальчики каждый раз считают и запоминают, сколько — шесть или восемь — в уме, а потом, когда кукушка снова накукует, они складывают и спорят, правильно ли арифметическое действие. Но вдруг кукушка кукует долго и нескончаемо, а они с азартом считают и считают, пока не исчер-

Борис ЯМПОЛЬСКИЙ

Лесной дорогой

пвают знаний по арифметике, и стоят они посреди леса, растерянные перед этой бесконечностью чисел и лет.

Голубой лесной тропинкой выходят они на посыпанный крупным красным зернистым песком терренкур санатория, как раз у зеленой скамеечки, на которой сидит старик в низко надвинутой шляпе, задумчиво что-то рисующий палкой на песке. Они останавливаются и глядят на старика, потом на таинственные узоры, начерченные палкой. Старик совсем не обращает на них внимания: где-то он в это время на Чонгаре, а может быть, еще в Порт-Артуре.

А по красной дорожке под цветным зонтиком, с раскрытой книгой шла дама, а за ней на тоненьких, как ниточки, ножках бежала остролицая, косяглазая японская москья, малюсенькая, как муха, такая для этих мест странная и неправдоподобная, что все трое усмехнулись и не поверили своим глазам. И долго после обсуждали и спорили, может ли такое быть.

Мальчики пересекают культурную зону терренкура и наконец выходят из лесу, и по увалам открылось поле, а там, вдали, деревня, а над ней солнце. Они все разом ударили портфелями по крайней березе, сорвались с места и с криками, воплями побежали в открытое поле, сливаясь с простором, с небом, с ветром.

Пройдет много-много лет, по разным дорогам разойдутся эти три мальчика, два в форменных картузах и один в кепчонке, может быть, никогда в жизни не встретятся и ничего знать не будут друг о друге. Но навсегда останется в их памяти и вдруг наяву или во сне явится освещенная солнцем майская дорога через лес из школы домой, в деревню Самохино; сумеречный старый сосновый бор, и оранжевая в одуванчиках поляна, и туманная холодная падь с журчащей на камнях Вертушинкой, и старик в шляпе на терренкуре и, наконец, великое, бесконечное, открытое по увалам поле, давшее им дыхание, волю, свободу на всю долгую их жизнь.

Полезны ли метеоры? Об этом я раньше не думал, хотя, казалось бы, факт очевиден. Младший научный сотрудник К. Каримов из группы «Радиометер» объяснил мне, какие возможности открывает для радиосвязи вечное «зеркало» из непрерывно оседающей в атмосферу небесной пыли.

До встречи с 77-летним академиком К. Юдахиним я бы не почувствовал особой разницы в терминах «составление» и «собрание» словаря, и что последнее непременно должно быть делом всей жизни, — ведь такой словарь у народа первый.

А до беседы с президентом АН Киргизии К. Каракеевым я не ощутил бы так остро контраста и единства понятий «...один из самых древних народов» и «...одна из самых молодых академий». Хотя не об этом, в общем-то, шел разговор.

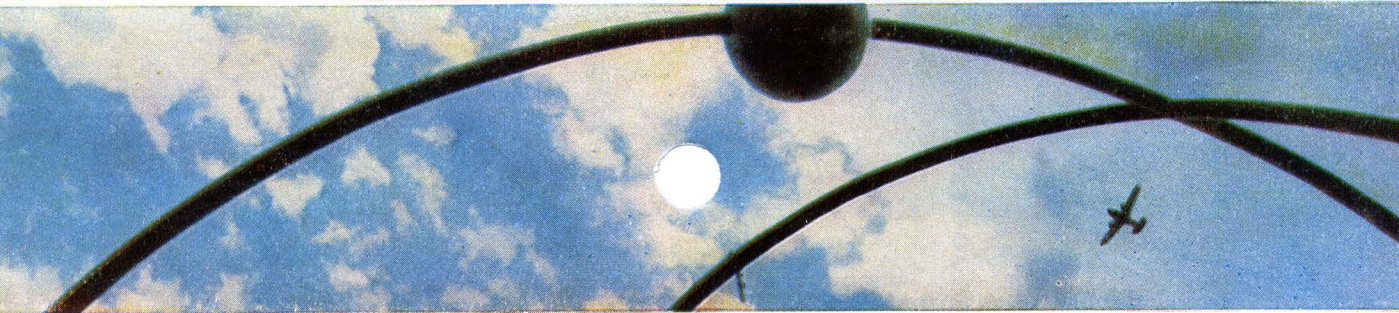
Курман-Гали Каракеев рассказывал о программах исследований тринадцати академических институтов в юбилейном году. О том, что над улучшением ирригационных систем и пастбищ, над раскрытием

На снимках нашего фотокорреспондента Л. Лазарева — четверо ученых Киргизии.

Член-корреспондент АН республики Кадыр Шатемиров известен исследованиями структурно-механических свойств глин и глинистых минералов.

Сейчас глинами интересуются бурильщики. Глинистые растворы необходимы им для проходки скважин. →

НА СЕДЬМОЙ ЗВУКОВОЙ СТРАНИЦЕ—КИРГИЗСКИЕ УЧЕНЫЕ:

АВТОГРАФ МЕТЕОРОВ • ГНЕЗДОВЬЕ СЛОВ • МЕДИКИ ЗА ОБЛАКАМИ

тайн элементарных частиц и метеоров, над обобщением опыта перехода кочевых народов к оседлому образу жизни, важного для развивающихся стран Азии и Африки, и над сотнями других проблем работают две тысячи научных сотрудников.

В день, когда президент принимал корреспондента «Кругозора», Академия переезжала. Институты уже давно начали заселять корпуса научного городка, и вот штаб — Президиум, проведя свое последнее заседание в старом здании, двинулся на новое место.

А главная лаборатория Академии — это земля Киргизии, ее пастбища, небо, горы. По маршрутам Пржевальского, Семенова-Тян-Шанского, Федченко, по маршрутам нынешней и будущих пятилеток шагают ученые.

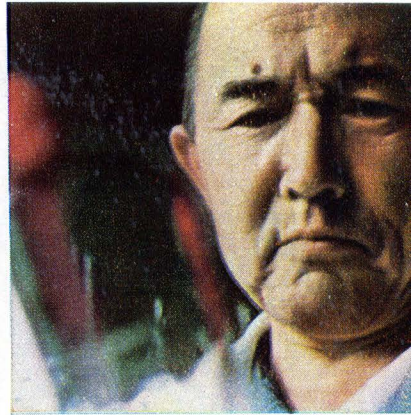
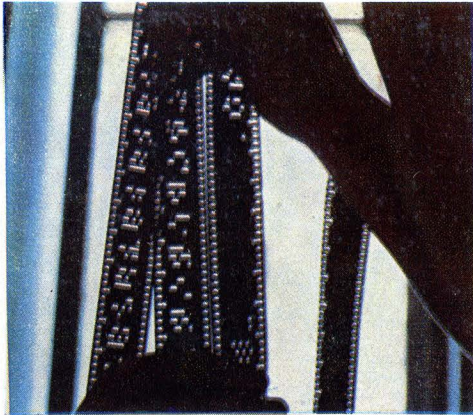
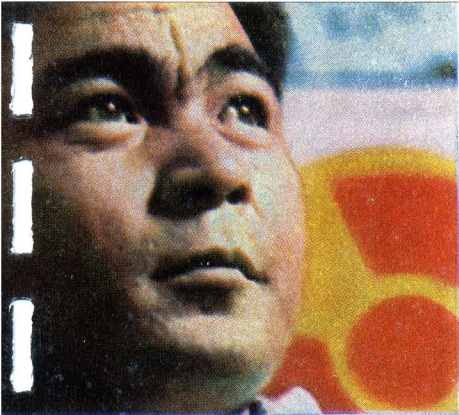
В. НЕВЬЯНЦЕВ

Фрунзе

Дело и страсть Аскарбека Алыбакова — монокристаллы.

Не часто внутренняя красота научного исследования находит столь совершенное внешнее воплощение.

Лаборатория Аскарбека Алыбакова выращивает кристаллы для полупроводниковых приборов. →

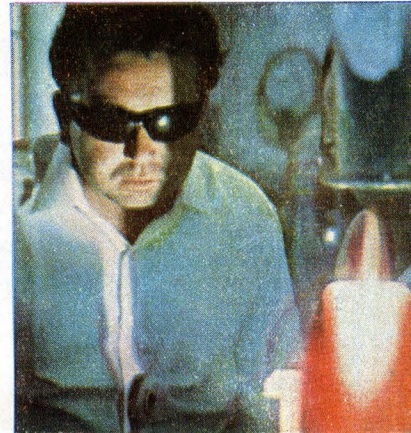
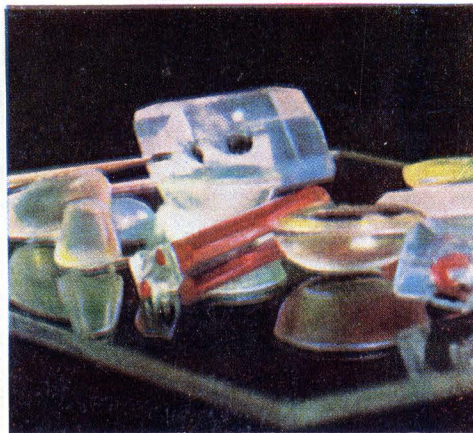
ГЛАВНАЯ

ЛАБОРАТОРИЯ

↑
Эмил Канумов разрабатывает устройства, непрерывно следящие за содержанием цветных металлов в рудах на всех этапах переработки. Радиоактивные изотопы — «заряд» этих мирных приборов.

На снимке: Жаныбек Жеенбаев — один из ведущих физиков Киргизии.

Элисо Вирсаладзе, улыбаясь, говорит: «В семье только бабушка, Сулико и я, так сказать, на ниве искусства. Остальные — врачи».

Отец — известный медик. Мать тоже была врачом. Брат учится в медицинском институте. Дядя Симон Вирсаладзе — крупнейший театральный художник. И бабушка...

Этой семьей гордятся в Грузии.

«Знаю, конечно, знаю. Я никогда ее не слышал, но, говорят, замечательная девушка. Что удивительного? Семья. Отец ее, Константин, буквально спас одного нашего родственника в Зестефони...» — услышал я случайно разговор в Тбилиском аэропорту.

...Думая об Элисо, я вдруг вспомнил старинную грузинскую песню «Шен хар венахи» — «Лоза истинная». Мне Элисо и видится такой лозой. Лозой от благодатного, радостного виноградника, лозой семьи Вирсаладзе, лозой истинной.

...Руки как-то неожиданно легли на клавиатуру. Первые аккорды точны, но напряженность ощутима. Пианистка низко опустила голову, она

Лоза

словно ищет разгадку здесь, совсем близко, в черно-белом пасьянсе клавиш. И вдруг уловлено главное и брошен взгляд поверх инструмента, удивленный, счастливый взгляд человека, постигшего музыку...

Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из вероятья в правоту...

Я отношусь с радостным пристрастием к Грузии и Элисо Вирсаладзе — частице ее. Мы познакомились в Тбилиси. Разговаривали, помнится, в прокуренных комнатах Союза композиторов на проспекте Руставели. За окном с шумом проносились машины и звенел высокий, темповый накал грузинской речи. Голос Вирсаладзе плыл мягко, медленно — неожиданный, но естественный контрапункт всему, что звучало вокруг.

«Когда я думаю о публике в концерте, то всегда играю неудачно. Конечно, играешь для нее, но лучше забыть об этом на сцене. Только музыка. Больше ни о чем нельзя думать. Это сразу заметно. Публика, она ведь чувствует, насколько ты увлечен. Вот это, пожалуй, надо помнить, и ничего больше...»

Я помню, как Элисо Вирсаладзе играла на конкурсе Чайковского. Поражало в ней мудрое спокойствие. Будто нет конкурсных страстей, нет знаменитостей в жюри... Было только искусство, которому служила она истово и с глубочайшим достоинством.

«Я не люблю играть на конкурсах... Ведь действительно: цель каждого конкурса — победа, а если цель жизни — музыка?».

Здесь Элисо повезло изначально. «Училась у бабушки... В общем, всегда у бабушки». Анастасия Давыдовна Вирсаладзе, профессор Тбилисской консерватории, руководила внучкой с первых шагов. Приобщила Элисо к великоленной фортепианной школе, но не к ней одной. Для грузинских музыкантов Анастасия Давыдовна Вирсаладзе значит то же, что для русских Генрих Густавович Нейгауз. Они были друзьями. Оба стремились передать своим ученикам этические начала, хотели видеть их неподкупными перед лицом музыки. На одном из уроков Нейгауз сказал, обращаясь к студентам: «Вот приехала недавно маленькая Вирсаладзе, играла у меня в классе. Владеет инструментом блестяще. Правда, это сейчас у многих... Но талантлива, умна, благородна и, главное, думает свободно...» В ряду крупных пианистов наших (а среди них ученики Анастасии

ИСТИННАЯ

Давыдовны Вирсаладзе — Дмитрий Башкиров, Лев Власенко) Элисо стала фигурой совершенно своеобразной и, да простят мне этот сантимент, трогательной.

«Вы сегодня летите в Москву? Счастливый... Увидите горы с самолета. Сто раз смотрела, и, по моему, самое красивое, могучее в мире — Кавказский хребет. Что-то вроде Вагнера.. Горы — всегда музыка... И поэзия, конечно, тоже».

Она любит поэзию. Любит апельсины, которые Лорка «хотел увидеть с балкона», любит пушкинское «Подъезжая под Ижоры». Элисо ощущает музыку поэтически и из поэзии знает, что «цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех...»

В Москве Элисо останавливается у родственников в тихом переулке позади Кропоткинской улицы. Старинная квартира, кресла скрипят, какие-то подсвечники на рояле, но именно здесь эта девушка наиболее естественна. Может быть, из-за склонности грузинок к темным тонам. А может быть, из-за отсутствия всякой суетности в жизни.

Анатолий АГАМИРОВ

Фото Н. Агеева

Тбилиси — Москва.

А. С. Серафимович выступает в Смоленске перед частями Красной Армии. 1933 год.

И ДАТЬ БЫ ЭТУ КНИГУ ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА...

1917—1967

О «ЖЕЛЕЗНОМ
ПОТОКЕ»,
АВТОРЕ
И ЧИТАТЕЛЯХ

Еще один герой повести — город Новороссийск. 1967 год.

И ДАТЬ БЫ ЭТУ КНИГУ ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА...

Фото А. Лидова

«Вот что, дорогой наш комиссар «Батько»,— писали тому самому Епифану Ковтюху, который в «Железном потоке» послужил прототипом Кожуха,— нельзя ли Вам хлопотать, чтобы Ваш и всех героев «Железного потока» псевдонимы упразднить и написать все действительные фамилии...»

А стояли тогда уж расседланными боевые кони по станицам, и была в этой жажде сохранить все, «как по-настоящему», не только наивность, но и своя логика. Ибо знали все, что сам Серафимович, отвечая на вопрос, есть ли среди его героев подлинные рядовые Таманского похода, признавался:

— Да. Так уж сложилось, что решительно все, кто был участниками «Железного потока» в жизни, все они подошли и для повести.

Ковтюх однажды пришлось раскрыть свой псевдоним. В 1928 году газета «Юманите» опубликовала французский перевод «Железного потока», а потом и письмо одного из читателей, рабочего-металлиста Р. Жильберта.

«Неужели,— писал Жильберт, — действительно жил такой Кожух? Неужели могли быть такие герои? Не верится, хотя и хочется поверить...»

Ответил Ковтюх своему собрату так:

«Дорогой товарищ, французский рабочий-металлист завода «Рено»! Вы удивляетесь: «Неужели действительно жил такой Кожух?» — Да,

←

Нужных Андрей Петрович — пулеметчик Таманского похода, член партии с 1932 года.

дорогой товарищ, я жил, живу и команду Красным стрелковым корпусом. А для того, чтобы Вы не сомневались, посылаю свою фотографическую карточку.

В «Железном потоке», написанном талантливым пролетарским писателем А. Серафимовичем, совершенно правильно передан славный поход Красной Таманской армии, в котором я принимал участие, будучи командующим 1-й

Таманской колонной, а потом и армией. Моя настоящая фамилия — Ковтюх.

Красная Таманская армия в августе 1918 года оказалась окруженной противником и прижатой к Азовскому и Черному морям. Решив не сдаваться, мы без достаточного количества патронов, снарядов и при полном отсутствии продовольствия, в непрерывных боях перевалили Кавказский хребет на высоте 3 000 метров. Пройдя 500 километров и разорвав кольцо окружения, мы, наконец,

соединились с главными силами войск Северного Кавказа...»

В архиве Серафимовича хранятся стенограммы читательских конференций, которые писатель, человек смелый, прошедший фронт, называл не без робости «вечерами рабочей критики». Вот, например, запись, сделанная в Саратове.

ВОПРОС. Были Вы лично участником «Железного потока» или писали книгу на основании документов?

СЕРАФИМОВИЧ. Нет, я в нем не участвовал, но мне помогло то, что я казак, хоть и казак не кубанский, а донской. Кубанцев я хорошо понимаю, поскольку экономические и социальные условия у них и у донских очень схожи. И берег Черного моря, где они шли, я также знал. Я по этому пути проезжал на мотоцикле и жил там помногу. В этих местах и на Кавказе я бывал немало раз, и поэтому всю обстановку смог дать. А самый поход,— мне о нем все подробности были известны.

Так была написана писателем-коммунистом эта книга, рассказавшая ясно и правдиво о самой сути пролетарской революции. Учила повесть мужеству, гордости, беспредельной преданности идеям Октября. Поэтому и относились к ней с великой любовью. Даже грамоту узнавать в годы ликбеза предпочитали многие только по ней. А потом кто-то из читателей от полноты сердца написал в газету: «Размножить бы эту книгу в миллиардах экземпляров и разбросать с аэропланов трудящимся всего мира!»

С. БАМДАС

«...Многим, в том числе и мне, хочется сказать не просто «поля Бородина», а «великие поля Бородина».

К. Паустовский

«СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...»

И вот бывший артиллерист, а до войны учитель Анатолий Петрович Ларионов начинает экскурсию. Словно исчезают жестяные крыши деревень, голубенькое кафе, не слишком старинный Тучковский монастырь, полосы пахоты меж узких роц, и остается Большое поле. Поле 1812 года. У биваков горят костры, и земля проседает под лафетами гаубиц.

«...МЫ ДОЛГО МОЛЧА ОТСТУПАЛИ...»

Анатолий Петрович Ларионов знает о поле все. Детство его прошло здесь, ранен был неподалеку. Позже, собирая в этих полях еще не проржавевшие экспонаты, обдумывал темы своих научных работ: «Крестьянское ополчение 1812 года в Подмосковье», «Освобождение Бородина в 1942 году».

Две Отечественных...

«И ТОЛЬКО НЕБО ЗАСВЕТИЛОСЬ...»

Осенью сорок первого от памятника героям батареи Раевского просматривалась цепочка дотов. Здесь рабочие «Серпа и молота», «Шарикоподшипника», «Трехгорки» и метростроевцы закончили последний эшелон Можайской линии обороны. Дивизия сибиряков полковника Полосухина держала фронт. Пролетел слух: «Фашисты прорываются к станции Бородино!» И еще слух, радостный: «Подходят «РСы» — «Катюши».

«...НЕ МОСКВА ЛЬ ЗА НАМИ!»

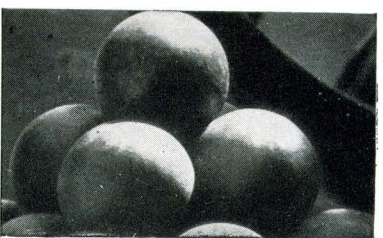
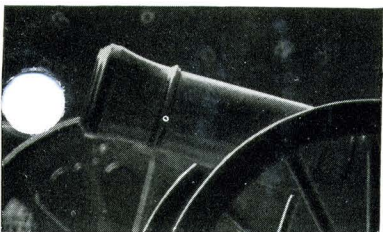
Москва. Самый трудный ее день — шестнадцатое октября. Приказ штаба фронта: «Привести войска в боевую готовность и в случае наступления противника стоять насмерть».

«...КАК НАШИ БРАТЯ УМИРАЛИ!»

Одним из немногих юбилеев, отмеченных страной в первые военные месяцы, было столетие со дня гибели М. Ю. Лермонтова. «Бородино» звучало как стихотворение года. В нем — весь сорок первый...

В. ВОЗЧИКОВ

Бородино

ПОЛЕ

РУССКОЙ

СЛАВЫ

Фото Л. Лазарева

←
«И плывут ко мне в гости думы-раздумья из родного края...»

«И помню еще: был знойный летний день, и все кругом казалось прекрасным...» →

●
 «Вспоминая тебя много лет, я всегда становлюсь добрее, чувствую себя богатым и щедрым — так много дала ты мне подарков на всю жизнь.

Счастлив я, что родился на твоём берегу, что пил твою мягкую веселую воду, ходил далеко по твоим нетронутым, чистейшим пляжам, слушал рыбацкие сказки на твоих челнах и сказания старых про глубокую давность, что считал в тебе зори на опрокинутом небе...»

●
 ←
«...И чувствуешь родную землю, что кормит тебя не только хлебом и медом, но и мыслями, и песнями, и обычаями...»

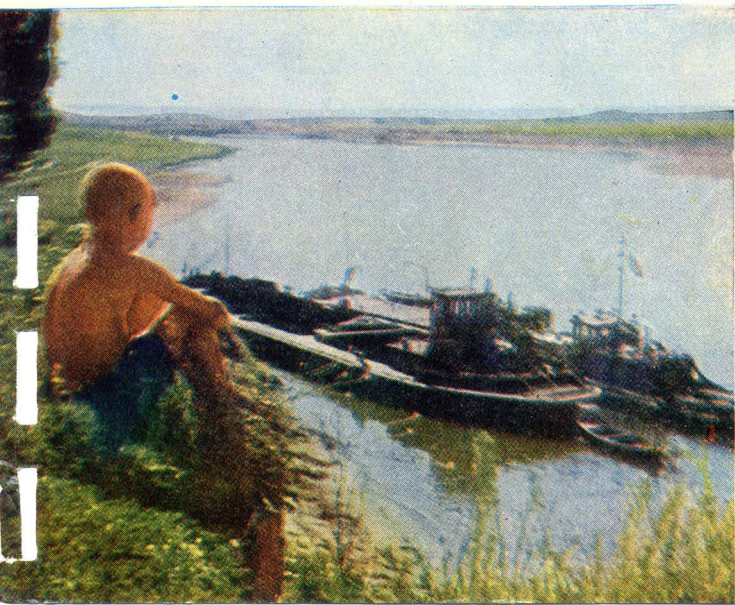
«Заиграй, музыка, запойте, птицы, в небе... Я плыву за водой, и мир плывет надо мной...» →

ЗАЧАРОВАННАЯ ○ ДЕСНА

Эти фотографии сделал наш корреспондент Валентин Школьный в тех местах, о которых Александр Довженко писал в своей автобиографической киноповести.

Это интервью взято у двух известных советских авторов — поэта и композитора. Наш корреспондент А. Шерель задал вопрос:

Что, на ваш взгляд, определило успех ваших произведений? Может быть, он в многочисленных поездках «за песнями», «за героями» по всей стране?

КОМПОЗИТОР. Разве заслуга — сесть в комфортабельный самолет и пролететь полсвета? Расстояние уже не препятствует открытию для себя нового города или стройки.

ПОЭТ. Иногда берешься за самую что ни на есть «экзотическую» тему после обыденной встречи. И, наоборот, «нейтральная», как говорят, «общечеловеческая» проблема просится в стихи и в мелодию там, где, кажется, надо описывать удивительные явления или сооружения.

КОМПОЗИТОР. Идет поиск не экзотики быта и профессии — атмосферы, обстоятельств, наиболее ярко и полно выражающих характер, специфику мышления и чувств наших героев.

ПОЭТ. Вот такая история: мы приехали на берег холодного северного моря, в военный гарнизон, который принято называть отдаленным. Не из-за расположения на карте. Отдален, точнее, отделен, этот гарнизон, как нам показалось вначале, от простых, необходимых человеку вещей: от солнца, от земли, от нежности и уюта. Жизнь, как и природа, там без полутонов. Вместе с нами выступала популярная певица. Когда концерт окончился, вышел командир части и вручил ей букет алых тюльпанов. А вокруг даже карликовые березы — редкость.

КОМПОЗИТОР. Нам рассказали: чтобы подарить госте цветы, надо было прорваться через циклон и грозовой фронт, совершить три вынужденные посадки, но точно к концерту приземлиться на берегу моря. И мы написали песню не о том, как нем вероятным, фантастическим светом горят тюльпаны на Белом, никогда не таявшем снегу... Мы написали песню о нежности.

Остается представить собеседников «Кругозора»: лауреата премии Ленинского комсомола композитора Александру Пахмутову и поэта Николая Добронравова. Их песни — на четвертой звуковой странице.

Слушайте в номере:

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Керес: V 64

1. Рассказывает Яков Гладник. В «Железном потоке» его имя Алексей Приходько. Главу из книги читает А. Серафимович.
2. «Мне о России надо говорить...» Звуковая новелла Арсения Ларионова.
3. Эстрадная афиша республик. Ш. Милорава, Л. Чибадрия, П. Грузинский. «Синеглазая колдунья»; И. Акбаров, Ю. Энтин. «Влюбленный соловей»; А. Кублинский, А. Дмоховский. «По грибы». Поют Н. Брегвадзе, Б. Закиров и квартет «Анкорд».
4. Песни композитора Александры Пахмутовой и поэта Николая Добронравова. «Усталая подполдка» и «Звезды над тайгой». Поют М. Рыжов, И. Кобзон и Е. Камбурова.
5. Памяти матроса Н. Рыбачука.
6. «Бородино». Стих-репортаж. Ведут ветераны: генерал армии Д. Лелюшенко, экскурсовод А. Ларионов, народный артист республики А. Паланов.
7. Высота — инструмент науки.
8. Страницы песен. В. Шаинский, А. Алшутов. «Южно-Сахалинск»; Г. Светов, Б. Чеснес. «Гром, гром»; Ю. Анулов, С. Лясков. «Не пройди». Поют В. Никулин, Е. Шаврина, Н. Бродская.
9. Играет Элисо Вирсаладзе.
10. Я. Френкель, М. Светлов. «Грустная песенка»; А. Флярковский, Р. Рождественский. «Сны». Исполняют: квартет советской песни, вокально-инструментальный ансамбль «Романтики» и В. Окунь.
11. Озорной жанр. Частушки исполняют: Тульский народный хор профсоюзов и певцы Сибирского народного хора.
12. Дназ-шахматы. Ансамбль А. Вахури, гроссмейстер П. Керес и мастер М. Бейлин.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: «Волжанка».
Фото
Н. Свиридовой

На четвертой
странице обложки:
фото А. Лидова
«Здесь шел
«Железный
поток».

Режиссеры:
В. Жуков,
Н. Савинов
Художник
В. Шапов
Технический редактор
Л. Петрова

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 55.
15/VIII 1967 г.
Телефоны редакции:
В 3-73-94; В 3-74-59
Б 04535. Подп. к печ.
15/VIII 1967 г.
Формат бумаги
84×108¹/₁₆.
Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 2323. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

Эстонцы называют шахматы «мале». Это как-то неожиданно звучит: по-русски — шахматы, по-латышски — шахс, по немецки — шахшпиль и вдруг — мале. До Кереса маленькая Эстония не имела гроссмейстеров, но покровительница шахмат Кайса не обошла стороной край рыбаков, пахарей, мастеров — страну, где любят песню, где очень сдержанно выражают радость и удовлетворение.

Чем оригинален стиль Кереса? Необычным синтезом полета фантазии, технической виртуозности и аккуратности. Почерк его четок. Он мелко и точно ведет запись шахматной партии за игрой. Всегда одинаково — и при победах и при поражениях. Конечно, аккуратности мало. Нужно еще и умение владеть собой. Я видел Кереса после поражения в решающей партии в 1953 году, партии, которая отрезала ему путь к матчу с чемпионом мира. Керес был уравновешен, учтив — как обычно.

Аккуратность, самообладание, трудолюбие помогли Кересу. Так просто было бы сказать: делайте так же — и будете играть, как Керес! Но нет, необходим еще и талант. Выпадает же талант на долю маленького кубинского мальчика Хосе, папа которого хотя и носил фамилию Капабланка, но в шахматы играл слабо. Или же на долю мальчика из тихого университетского эстонского города Тарту... Почему так? Шахматной теории об этом ничего не известно.

Керес много раз бывал вторым в мире, однако так и не стал чемпионом планеты. Теперь ему за пятьдесят. Он молодо выглядит, по-прежнему предан шахматному искусству, но не проявляет желания драться за лавры чемпиона мира. И тем не менее из множества стран летят приглашения: Керес хотя бы видеть в числе участников международных турниров. Вероятно, он один из самых популярных шахматных рыцарей.

Между тем Керес не гонится за популярностью. Он никогда не давал эффектных рекордных сенсаций одновременной игры, но много времени потратил на скромную игру по переписке.

Красота шахмат привлекает Кереса в различных ее проявлениях. Он отдал дань шахматной композиции, составил несколько этюдов. Для шахматиста-практика композиция что-то вроде роскоши — так считают те, кто любит рассуждать об экономии времени. У Кереса хватило времени на то, чтобы сыграть во множестве турниров, написать книги о шахматах; осталось и на этюды...

М. БЕЙЛИН,
мастер спорта

Этюд Кереса. Белые начинают и выигрывают. На 12-й звуковой странице гроссмейстер приводит авторское решение. В паузах между ходами вам поможет сосредоточиться эстонский джаз.

Решите шахматную задачу

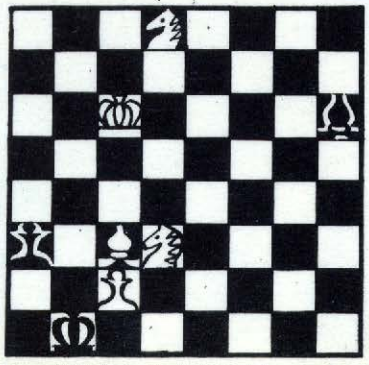

Фото
В. Резникова
и Н. Рахманова

«Я назвал повесть «Железным потоком» потому, что это название лучше всего характеризует то колоссальное внутреннее напряжение, с которым двигалась вперед масса».

А. Серафимович

Цена 1 руб.